крымские детективы

Владимир Жуков

КРИК СОВЫ

Владимир Жуков

Крик совы

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Жуков В. А.

Крик совы / В. А. Жуков — «ЛитРес: Самиздат», 2011

Остросюжетная повесть по мотивам резонансного преступления, совершенного в одном из керченских ресторанов. В кровавой бойне за передел собственности и сфер криминального бизнеса погиб главарь банды и его боевики. На основе фактов и улик, автор предлагает одну из версий. Имена «героев» изменены.

© Жуков В. А., 2011
© ЛитРес: Самиздат, 2011

Глава первая

Ничто не предвещало трагедии. За полночь в самый разгул застолья дверь распахнулась, в ресторан-казино вошли двое импозантные мужчины. Один из них среднего роста, плотный, круглолицый, с залысиной, был одет в малиновый пиджак и черные брюки. Второй – высокий, худощавый в строгом черном костюме. Обоим на вид лет под сорок. Следом за ними появились трое атлетически сложенных парней с короткими прическами в темно-зеленых костюмах.

С первого взгляда не трудно было догадаться телохранители. Резкие движения, настороженные, пристальные взгляды, скользящие по лицам посетителей. Появление этой пятерки внесло заметное оживление на сцене, где выступала группа длинноногих полуобнаженных в одних лишь бикини танцовщиц. Одна из них, Ксения, сбилась с ритма и привычный гул и гвалт опьяневших мужчин и женщин на мгновение оборвался. От столика к столику, щедро заставленных бутылками и снедью, прошелестело:– Сова, Со-ва-а…

Все, как по команде, обратили взоры на мужчину в малиновом пиджаке. А он, не обращая внимания на произведенный фурор, не без гордости, распиравшей его грудь, обвел холодным взглядом свое детище – ресторан с варьете – главное увеселительное заведение города. Прежде в этом просторном помещении, расположенном на первом этаже, размещался клуб, и здесь проводились торжественные собрания, заседания по случаю и поводу различных праздников, юбилеев и иных событий, устраивались концерты художественной самодеятельности и гастролирующих артистов. За занавесом в глубине зала находилась сцена. На стене напротив высоких окон, выходивших на улицу, раньше в советский период, висели стенды наглядной агитации, экран соцсоревнования, портреты престарелых членов политбюро…

В клубе тогда царила официально-казенная атмосфера. Но та эпоха канула в Лету вместе атрибутами политической власти. Вскоре грянула приватизация, а точнее, прихватизация, и ушлый предприниматель Станислав Ломов, больше известный по кличке Сова, оценив удобное расположение клуба почти в центре города, в районе морского торгового порта, взял его в аренду и превратил в ночное, окутанное пикантными тайнами, заведение. Прежние атрибуты пошли в утиль, преобразился интерьер. У стены напротив сцены – подиума был оборудован бар с разнообразными спиртными напитками и холодными закусками.

В смежном помещении – кухня, где готовились горячие блюда. В зале, отделанном импортными материалами по евростандарту, разместилось десятка три столов. На окнах тяжелые бордового цвета шторы, рядом со сценой – японская аппаратура – музыкальный центр со световыми цветными эффектами.

На подиуме властвовала, приводя захмелевших зрителей в экстаз, оперативно созданная из местных девушек, шестнадцати, девятнадцатилетних возрастов – участниц и призеров конкурсов красоты – группа варьете, ублажавшая эстетические и иные потребности состоятельных завсегдатаев ресторана, быстро обретшего славу и популярность. Толстосумы сорили шальными деньгами, а красотки из варьете и обслуги, лишенные комплексов, предрассудков и невинности, высматривали богатых клиентов. Все шло по заведенному кругу.

На торжественной презентации, где столы ломились от напитков и яств, почетными гостями были отцы города, блюстители законности и правопорядка. Шампанское, коньяк, шведская водка "Абсолют", "Смирновка", "Кремлевская", "Белый орел" и другие напитки лились рекой. Презентация, о которой с телячьим восторгом сообщала местная пресса, по мнению гурманов с тугими кошельками – любителями прожигать в застольях жизнь, удалась на славу. Телевидение, радио и газеты, польщенные щедростью рекламодателя, зазывали горожан в райский уголок отведать отменные блюда и насладиться хореографическим и вокальным искусством юных прелестниц. Мужчины устремились сюда не столько ради чревоугодия, а чтобы с вожделением обозреть, поглощая глазами полуобнаженные тела грациозных кокеток.

Часто в ресторан, вальяжно шествуя в плотном кольце охраны, наведывался его владелец Ломов. Он старался держаться в тени, не афишировал себя, дабы не привлекать повышенного интереса публики и блюстителей порядка. Они, пожалуй, смирились с его сомнительным бизнесом, так как часть прибыли в виде налогов и взносов в разные благотворительные фонды перепадала чиновникам и служителям Фемиды. Прилипала валюта и к рукам чиновников в качестве дензнаков и ценных подарков – презентов за выдачу лицензий на прибыльные виды бизнеса и покровительство. Видимо, из-за образа жизни, отдававший предпочтение ночным деяниям и активности, Ломов обрел кличку Сова. Возможно, она тешила его самолюбие, ведь сова – символ мудрости и долголетия. Не случайно она является эмблемой популярного еще в советский период телевизионного шоу-проекта "Что, где, когда?" элитного клуба знатоков.

Год назад, ощутив реальную угрозу, Ломов обзавелся охраной из числа самбистов, каратистов, мастеров восточных единоборств и боксеров. Не скупился и поэтому телохранители – парни лет двадцати, были довольны своим положением. Хоть и рисковая, но красивая жизнь – валюта, девушки, развлечения и романтика.

В просторном зале, среди посетителей Сова чувствовал себя неуютно, будто в аквариуме, ощущал на себе пристальные любопытные взгляды. Каждому интересно было узнать, что собой представляет один из крутых людей города, открывающий ногой дверь в приемную и кабинет мэра. По этой причине Стас решил уединиться и распорядился оборудовать вблизи выхода пару кабинок с надежной звукоизоляцией, чтобы ничто не мешало конфиденциальным, деловым беседам с соратниками и партнерами по бизнесу.

Появление Ломова оказался неожиданным для обслуги ресторана. Но по поведению хозяина они ощутили значимость визита. Двое охранников заняли места на улице перед фасадом ресторана для наружного наблюдения за обстановкой и трое, оттеснив посетителей от крайнего столика, разместились в зале. Сова и худощавый компаньон остановились перед кабиной. К ним заторопился услужливый бармен Иван и замер, с готовностью внимая каждому слову.

– Пусть накроет на двоих,– властным голосом велел Стас и, выдержав паузу, продолжил.– Водка "Абсолют", сок манго, жаркое, красная и черная икра, осетрина… в общем, чтобы по высшему разряду. По пустякам не беспокоить. Ну, что застыл, как манекен, живее, я голоден, как волк. Пошевели мослами.

– Кому прикажите накрыть стол?– робко спросил бармен.– Алине или Сюзанне?

Ломов на мгновение задумался, вспомнив, что Аля покладистая и ласкова с ним, а Сюзи – строптива, с характером и в последнее время отбилась от рук. "Не иначе кого-то завела на стороне,– подумал он.– Надо бы ее взять в оборот, пока не поздно. Если не спрячет свои коготки, то завтра окажется улице, а оттуда – прямой путь на панель, чтобы не околеть с голода. На доступных красоток дефицита нет. Сам по конкурсу подбираю в официантки и в группу варьете».

– Пришли Сюзи,– чуть помедлив, велел Сова и окинул цепким взглядом, сидящую за столами и танцующую перед сценой публику, утонувшую в сверкании и блесках огней сцену. Зазвучал зажигательно-азартный канкан и на подиум резво выбежали девицы в роскошных красно-белых блузках с пышными юбками на тонких талиях и округлых бедрах. Они лихо закидывали длинные в ажурных черных колготках ноги, на миг, показывая белые, отороченные кружевами трусики. При виде женских прелестей и сладострастных вздохов у любвеобильных мужчин закипала кровь в жилах. Канкан зажигал, стимулируя неутолимое вожделение и похоть, страсть к плотским утехам. Захмелевшие мужики взирали на юных прелестниц из шоу-балета маслянистыми глазами голодных самцов, со слюной на губах, испытывая жгучую потребность в сладострастном соитии.

Красавицы танцевали, кокетливо улыбались и легкими движениями обнажали то одну, то другую часть тела – грудь, тонкую талию, округлые бедра. Юная стриптизерша своим гиб-

ким изящным телом извивалась вокруг шеста. Она демонстрировала откровенные позы и движения, стонала и заразительно смеялась. В зале слышались похотливо-восторженные вскрики захмелевших от обилия спиртных напитков и эротики сексуально озабоченных посетителей.

– Ох, хороши цветики-ягодки! Дайте я вас ласково потрогаю за ножки, бедра и грудь. Ах, где мои семнадцать лет, где мой черный пистолет? На большой каретной!– гремел, словно паровоз, раздувая полные, как у хомяка, щеки, седовласый грузный мужчина и упорно лез на сцену.

– О, Мулен Руж, Мулен Руж, и в Париж не надо лететь, свое кабаре с красотками!– воскликнул любитель стройных ножек и других женских прелестей. Одну из танцовщиц, приблизившихся к краю подиума, а ею оказалась Алина, он схватил за белую туфельку и, радуясь, как малое дитя, поднял ее над головой.– Золушка, где ты моя Золушка? Дюймовочка, деточка-конфеточка, позволь всего один поцелуй! Плачу, я не скупой рыцарь. За красоту и ласку, за пламя твоих губ мне ничего не жаль. Милая козочка, пошли ко мне в номер, плачу валютой. Я знаю, искусство требует жертв!– кричал он срывающимся голосом и протягивал девушке пятидолларовую купюру.

– Плачу, только один горячий поцелуй, детка. Последствий никаких, пожалей старика… Который год страдаю без ласковой бабы.

Он, вкушая сладострастие, облизал жирные губы. Девушка взбрыкнула, едва не потеряв равновесие, изловчившись, словно каскадерша, со злостью ударила незадачливого воздыхателя ногою в красное от возбуждения и хмеля лицо. У мужчины из ноздрей хлынула кровь. Он на миг, словно под воздействием электрошока, оторопел от неожиданности, а потом дико взвыл от боли.

– Ах, ты, гадюка!– завопил толстосум и, зажав ноздри пальцами, боком, как краб, неуклюже полез на сцену.– Я тебя, отдеру, как сидорову козу…

– Выкусишь, купи себе резиновую куклу и пудри ей мозги,– девица свернула изящными тонкими пальцами с малиновым маникюром кукиш и сунула его под нос опешившему клиенту. Завидев, что разъяренный завсегдатай неуклюже взбирается на подиум, девица убежала за кулисы. Полуобнаженные в бикини танцовщицы с взвизгами и воплями последовали за ней.

Танец расстроился, зажигательная музыка угасла, и публика зашумела, недовольная поведением одного из завсегдатаев. Виновник вытер платком разбитый нос и сплюнул кровью на паркет.

– Иди, и дай сивому мерину по тыкве и печени, чтобы наших телок не обижал,– велел Ломов одному из своих охранников – крупному верзиле с мордою Квазимодо. Тот, растолкав локтями захмелевшую толпу, быстро приблизился к сцене.

– Я ее, заразу, растопчу, она мне нос разбила, теперь распухнет, как у слона хобот,– ища сочувствия, взывал мужчина, но охранник ребром ладони резко ударил старого ловеласа в правый бок. Он переломился и в такой полусогнутой позе под улюлюканье, охранник, пиная его под зад коленом, бросил, как куль за стол. Снова зазвучала бравурная музыка, и участницы варьете выпорхнули на сцену – банкет продолжился.

– Безобразие,– возвратил к себе бармена Сова.– В бордель ресторан превратили! Кто здесь командует парадом, кто хозяин? Этот сивый мерин или я?

– Вы, конечно, вы шеф. Хватил дед лишку, вот и захотелось знойного тела. Старый мерин. Я его теперь на порог не пущу.

– Губа не дура, знает в бабах толк. Пойди, наведи справки, узнай, что это за боров клеится к нашим девочкам? Может педофил или гей, усмири его, тоже для профилактики двинь пару раз промеж глаз. А если рогом упрется, то гони в шею,– указал он бармену на седовласого, к потешным, а потом агрессивным, действиям которого было приковано внимание публики. Некоторые одуревшие от алкоголя мужчины вскакивали с мест и готовы были последовать

примеру седовласого Дон Жуана. Перепуганные танцовщицы сбились в стайку, заняли круговую оборону, отбиваясь от мужлана, ногами и руками.

– Старый импотент и туда же, на молодняк потянуло,– проворчал Ломов.– Сдери с него штраф за нарушение порядка и в шею, чтобы не щупал и не совращал непорочных девиц, они не для него предназначены.

– Так точно, шеф,– охотно согласился бармен подошел к столу незадачливого ловеласа. Стас с удовлетворением увидел, как он ловко подвернул его руку за спину. Мужчина дико вскрикнул от боли. Бармен что-то прошептал на ухо, и мужчина согласно закивал головой, как китайский болванчик. Обернулся и, заискивающе обнажив ряд золотых зубов, улыбнулся Сове. Затем поспешно достал из портмоне и протянул пятидесятидолларовую купюру.

– Я хочу познакомиться с Совой, выпить с ним на брудершафт. Угощаю на свои гроши, кровные, мозолями и потом заработанные,– донесся из холла его затухающий голос.

"Многие со мной не прочь выпить и закусить, только я сам решаю, кого пригласить за стол, а кого гнать в шею,– с осознанием своей значимости, подумал Ломов.– Не позволю порочить репутацию фирмы и популярность варьете".

– Впредь гони таких клиентов взашей, а то всех девок перепортят, некого будет на экспорт в страны Бенилюкс сплавлять. Кроме того, клиентов распугают своими дикими выходками,– велел Стас бармену, небрежно приняв из его рук зеленую купюру.– Где наш славный блюститель, старшина Тарас Цыбуля, где этот хохол репный? За что мы жирному борову только платим и кормим на халяву?

– Проголодался, пошел домой на полчаса, чтобы перекусить,– с виноватым видом сообщил Иван.

– У тебя что, здесь мало харчей, разных деликатесов?– обозлился хозяин.– Не мог его здесь до отвала накормить, хотя он и так от ожирения опух, едва ноги передвигает, из-за пузыря туфель своих не видит. Мне такой тюфяк не нужен. Завтра же срочно надо его поменять на молодого, крепкого самбиста или боксера. Сейчас знаменитые спортсмены, чемпионы и олимпийцы не у дел, поэтому выбор богатый. А его чтобы здесь духу не было. Если вдруг рогом упрется, то будет иметь дело со мной.

– Я полчаса назад предложил ему поесть,– оправдывался бармен.– Прежде он никогда не отказывался, и на отсутствие аппетита не жаловался, все подминал за обе щеки и еще с собой для жены и детей прихватывал. Остатки спиртного, закуску со столов. А нынче с Цыбулей, что-то странное, словно подменили. Очень быстро собрался, мол, надо жене показаться, она в его в измене обвиняет. Мол, по городу слухи ползут, что все посетители ресторана с официантками и танцовщицами из варьете в номерах совокупляются. Ради интимных утех и оргий, мужики готовы на все. Об этом, мол, весь город гудит…

– Не подливай масло в огонь, не разносили сплетни,– резко оборвал его Стас и поинтересовался.– Когда Тарас ушел?

– За пять минут до вашего появления.

– А раньше он покидал в это время свой пост?

– Нет, я же говорю, кормился в ресторане, ел до отвала, чего душа пожелает. И на сей раз, перед тем, как пошабашить, граммов двести-триста "Абсолюта" на грудь принял. Все жаловался, прохиндей, что пухнет от голода, а не от сидящей работы.

– Да, менять надо старшину, проку от него, как от козла молока. Только харчи и дорогие напитки зазря переводит,– не придав значения факту внезапного ухода милиционера-охранника, решил Сова.– Завтра же поговорю с начальником милиции. Пусть толкового парня пришлет. Не жирного борова, а спортивного опера из боксеров или самбистов. От такой зарплаты и майор не откажется. Верно?

– Верно,– опустил глаза бармен.– Как говорится, солдат спит, а служба идет, а в данном случае, валюта течет…

Между тем пострадавший ловелас, приняв на грудь сто граммов коньяка, вновь принялся буянить.

– Иван, иди и успокой сивого мерина,– приказал Сова.

– Стас, а почему я? Пусть кто-нибудь из твоих пацанов с этим кабаном разберется? Он крутой мужик и я не хочу иметь неприятности,– возразил он.– У меня совершенно другие функции, я – бармен, а не вышибало. Могу нарваться на финку и пострадать.

– Ничего, что бармен, ты должен обладать универсальными навыками, как американский Рембо. В жизни все пригодиться,– оборвал его Ломов и прижал пристальным взглядом оловянно-серых глаз.– И запомни на будущее: мои приказы не обсуждаются, а выполняются, иначе выпру тебя отсюда, мои пацаны проучат, как следует. Остаток жизни придется работать на аптеку. Я суров, но справедлив. Посуди сам, ты этого борова напоил до поросячьего визга, до белой горячки, ты с ним и разбирайся.

– Так ведь, что клиент заказывал, за что платил, то я ему и наливал.

– В следующий раз будешь соображать, кому, чего и сколько наливать. Впредь тебе наукой будет. Кончай базар! Давай, действуй!

Иван нехотя направился к столу, где снедаемый обидой, бесновался мужлан, извергая замысловатые словесные комбинации в адрес смазливых танцовщиц, вскидывавших вверх прелестные ножки.

Ломов подал выпорхнувшим на сцену в неглиже танцовщицам, знак, мол, продолжайте. Зазвучала задорная музыку. Взметнулись в темпераментном танце стройные девичьи ноги. Сова с партнером Давидом Яскиным прошли в кабину. Ощутили уют и уединение. Прямоугольный стол, накрытый белой скатертью, черная керамическая ваза с букетом алых роз, пепельница в форме бирюзовой волны, диван, обшитый черной кожей. Стас бросил на стол пачку импортных сигарет, положил зажигалку и откинулся на спинку кресла.

Через минуту в кабину с подносом в руке, впорхнула Сюзанна Южина – высокая, изящная в строгом черном платье, с черными, как смоль волосами и зрачками цвета спелых черных маслин.

– Можно?– спросила она, обнажив в улыбке ряд жемчужно-белых зубов, и, наклонившись, поставила поднос на край стола.

– Конечно, Сюзи, чувствуй себя, как дома,– нежно произнес Сова.– Я так давно тебя не видал, очень рад встрече… Мы могли бы общаться и чаще, будь на то твое желание и воля.

Он бережно провел ладонью по мягкому изгибу ее тела, округлым бедрам и, ощутив возникшее желание, попытался привлечь к себе, но она заупрямилась, проявила строптивость.

– Не шалите, я на работе,– отстранилась девушка.

– Я тоже на работе, при исполнении,– заметил он, вспомнив, как месяц назад в группе участниц варьете высмотрел восемнадцатилетнюю Сюзанну. Там было немало достойных по своим физическим данным девушек, но в Южиной он почувствовал особую породу, утонченную натуру, магический шарм. Она окончила хореографическое отделение музыкальной школы и пришла в ресторан из танцевального ансамбля "Чародейки". Решила подработать, так как денег ей с матерью – одиночкой не хватало. "Зачем тебе это варьете, будешь потеть там, как лошадь,– отговорил ее тогда Ломов.– Эта работа только со стороны кажется легкой, красивой и праздничной. Беру тебя официанткой на оклад с премиальными больше, чем в варьете. А танцевать будешь в свое удовольствие, когда душа пожелает или я попрошу. Ты – богиня у тебя другая роль, другое предназначение на этой грешной земле". Какая именно роль, он не уточнил, но заинтриговал девушку. Но все, же его разумные аргументы, тогда убедили Сюзанну, тем более, что Ломов выдал ей безвозмездно триста долларов на "мелкие девичьи расходы".

Возможную роль тайной любовницы она восприняла, как неизбежность, но пыталась сохранить хотя бы видимость личной свободы. Рано осознав магическую силу своих женских чар, она стремилась подчинить его своей воли, чтобы ради нее он готов был пожертвовать

своей. Какая женщина не мечтает об этом! Поэтому нередко покладистые мужчины попадают под каблук своих властных пассий.

Южина сервировала на столе блюда и делала это равнодушно, как робот, будто ничто не связывало ее со Стасом.

– Сюзи, что с тобой? Ты неприступна, словно крепость и холодна, как лед,– допытывался он, не обращая внимания на Яскина.– Не заболела ли? Хоть разочек улыбнись, радость тебе очень к лицу.

– Радость без причины – признак дурачины,– прошептала он, неожиданно вспомнив детскую присказку.

– Да, ты действительно, не в своей тарелке,– заметил он.

– Конечно, не в своей, ибо ношу чужие тарелки,– чуть заметно улыбнулась она своей находчивости.

– Чтобы у тебя поднялось настроение, предлагаю вместе поехать отдыхать на пляжи Кипра, Мальдивы, Турции, Греции, Египта или на "Золотые пески " Болгарии. Выбирай, последнее слово за тобой?

– Хорошо, Стас, я подумаю на досуге, а на службе других хватает забот,– спокойно ответила она, отвинчивая колпачок на бутылке водки "Абсолют".

– Оставь бутылку, мы сами разберемся,– взял он ее теплую руку в свою и ладонь и попросил,– Задержись после работы, мне без тебя грустно и одиноко.

– Я очень устала, у меня больна мама,– возразила она, с ужасом подумав о том, что душной ночью предстоит ублажать сексуальные прихоти потного ненасытного мужчины. Отдавать свое молодое тело, а значит и душу в его жаркие объятия. Ради чего? Ради того, чтобы не потерять работу и иметь деньги. " Нет, с меня хватит этого насилия над чувствами,– с решительностью подумала она.– Сегодня же поставлю точку, чего бы это мне не стоило. Я,– человек, а не животное, не источник для удовлетворения чужих прихотей. У меня есть чувство достоинства и чести. Тем люди и отличаются от животных, живущих по инстинктам».

– Алина свободна и очень интересовалась вами,– хмуро намекнула женщина, стремясь избавиться от домогательств.

– Сюзи, сколько раз тебе говорить, что с Алей меня ничто не связывает,– вспылил Ломов.– Заруби на своем хорошеньком носике, вечером ты должна остаться, иначе пеняй на себя.

– Я никому ничего не должна,– резко, вызывающе ответила женщина и дерзко взглянула на него агатовыми глазами.– В моем трудовом контракте такого рода услуги не оговорены. Поищите себе сиделку или игрушку для забав и утех.

– Ладно, поговорим наедине,– помрачнел Сова.– А сейчас вали отсюда, у меня серьезный разговор, и не вздумай сбежать домой. Далеко не исчезай, понадобишься, позову.

Южина вышла, облегченно вздохнув. Каждый диалог с Ломовым требовал от нее хладнокровия и терпения. Сегодня она устоит перед его притязаниями. Ей все более претила роль девочки хозяина, хотя подруги из варьете ей страшно завидовали. И более всех люто ненавидевшая ее, как соперницу, любвеобильная Алина. "Глупые овцы, чему завидовать?– размышляла она.– Тому, что находясь в роли заложницы, я деградирую как личность. Была вынуждена, против своей воли и женского естества удовлетворять чужие прихоти и капризы? Только потому, что он способен одаривать долларами и дорогими подарками? Неужели только в этом смысл жизни, чтобы комфортно устроиться под чужим крылом? А как же чистое и великое бескорыстное чувство любви и верности?" Эти мысли не в первый раз занимали Сюзанну, но сейчас они обозначились со всей остротой и требовали окончательного решения.

"Господи, помоги мне, пусть Стас напьется до потери пульса и не пристает ко мне со своими телячьими нежностями,– попросила Сюзанна, выходя из кабинки.– Накажи его за то,

что он совершает насилие над моим телом и чувствами. Неужели он не понимает, что противен, что я вынуждена отбывать повинность?"

Она замедлила шаг и ее поразила мысль. "Прости меня, Господи, ведь это грех желать человеку несчастья. Зло, словно бумеранг, возвращается к тому, кто его насылает на других. Пусть все идет своим чередом, я никому не желаю причинить горя. Все равно, когда завершится земной путь, каждый предстанет перед Божьим судом и ответить за все прегрешения". С этим, успокоившим ее суждением она, легко лавируя между столами в зале, прошла на пищеблок.

– Ох, уж эти женщины, коварны, хитры и строптивы. Их надо постоянно держать в узде,– вздохнул Сова, отвинчивая колпачок на бутылке "Абсолюта". Разлил черносмородиновую шведскую водку по рюмкам и продолжил:

– Они отлично понимают, что нам, мужикам, без них не обойтись, поэтому стараются диктовать свои условия. Вот и Сюзи туда же, оперилась пташка, появились острые коготки. Я ее с улицы подобрал. Но ради дела даже Стенька Разин пожертвовал своей княжной. Вот с кого надо брать пример, когда вопрос ребром. Якорь на шею и в воду, бычкам и крабам на съедение. Ладно, оставим женщин в покое. Это вечная тема, давай лучше выпьем за успех нашего дела. Будем живы, не помрем!

Давид Яскин залпом опрокинул содержимое рюмки, понимающе закивал, рано потерявшей волосы, продолговатой, как тыква, головой.

Стас последовал его примеру. Запили соком и с усердием налегли на закуску. Между тем седовласый ловелас вытер с лица кровь и, заправившись рюмкой коньяка, возжелал женских прелестей. Неловко поднялся из-за стола, сбив на пол тарелку с остатками салата оливье, и на непослушных ногах, зигзагами направился к сцене. Из глубины зала сквозь звуки мелодии до слуха Ломова и Яскина донеслись шум, женские крики и ропот мужских голосов. Стас выглянул из кабины и увидел, как возмутитель спокойствия, опрокинув стул, снова полез на сцену, стремясь поймать за ногу одну из полуобнаженных прелестниц.

– Похоже, неймется сивому мерину, сам на грубость, на скандал нарывается,– с досадой произнес он и поманил к себе рукой из зала охранника с обликом Квазимодо. Тот живо предстал перед ним, как Сивка-Бурка.

– Не церемонься с ним, дай по тыкве, чтобы память вышибло, и забыл сюда дорогу,– велел Стас.– Гони его отсюда к чертовой матери!

Охранник отправился исполнять приказ. Он заломил воздыхателю руку за спину и левой ударил по голове. Тот вскричал от боли и пригрозил:– Сволочи, не дают бизнесмену культурно отдохнуть. Сова и его братва мне за все ответят. Вы еще не знаете, кого обидели. Я вас сотру в порошок, пущу в расход…

– Молчать, гнида!– оскалил крупные зубы верзила и, попинав нарушителя в по-женски мягкую и пышную ягодицу, заметил.– Хоть трудовой мозоль у тебя большой, как у рязанской бабы, но кишка тонка. Если пальцем пошевелишь, размажем по стенке…

Под одобрительные возгласы и улюлюканье пьяной публики, он вытащил мужчину до выхода и со ступеней крыльца толкнул в темноту. Услышал, как клиент тяжелым мешком свалился на асфальт.

– Шеф, полный порядок!– доложил охранник.– Отправил его к чертам на кулички. Но он, зараза, еще посмел нам угрожать. Проспится и на коленях приползет просить прощения.

– Что у трезвого в голове, то у пьяного на языке,– напомнил Давид. – Надо быть осторожнее с этим неадекватным коммерсантом. Может у него с головой не в порядке, крыша поехала? Обидится и наймет киллера за две-три сотни баксов, поэтому рискуем сыграть в коробок.

– Не воспринимай пьяный бред всерьез. Мужик блефовал, играл на публику, чтобы показать, какой он крепкий перец,– заметил Сова и велел охраннику.– Ступай в зал и смотри в оба,

чтобы еще кому-нибудь моча в голову не ударила. Не жди моих указаний, а сразу пресекай нарушения. У нас не кабак, не забегаловка, а солидное заведение.

– Будет сделано, шеф,– сказал охранник и удалился. Пережевав челюстями, словно жерновами, Сова произнес:

– Разговор у нас тет-а-тет. Чтобы никакой утечки информации, иначе крышка. Вопрос стоит так: или мы их под себя подомнем или они нас, третьего не дано.

– С меня слово клещами не вытянешь, могила,– ответил Давид.– Я только опасаюсь, что ребята из милиции и службы безопасности могли твой ресторан и эту кабину "жучками" нашпиговать. Сейчас на подслушивающие электронные устройства, на шпионаж за конкурентами мода пошла, как в знаменитом телесериале. А родоначальниками можно считать японцев, которые активно занимаются промышленным шпионажем, похищая и используя чужие открытия и изобретения.

– На взрывные устройства тоже мода,– усмехнулся Сова.– Но мы, слава Бога, с тобой не политики, чтобы за нами следить, собирать компромат и шантажировать.

– Коммерсантов тоже не жалуют, то одного, то другого в расход пускают,– возразил Яскин.

– Ну, и мрачные у тебя мысли, как у могильщика, взбодрись,– положил руку на его узкое плечо Стас.– Здесь никаких "жучков", чисто. А бдительность и собранность нам весьма необходимы.

Под нашим крымским, южным солнцем становится тесно, нам нагло наступают на пятки. Но тот, кто замыслил прищемить нам хвост, тому мы раздавим яйца. Поэтому, господин Давид, мы конкурентов должны опережать и, как клопов, давить. Через доверенное лицо я получил ультиматум от конкурентов – требуют ежемесячно отстегивать сорок процентов от нашей прибыли. Мол, только в этом случае обеспечат нам надежную "крышу". Мы и сами способны любой бизнес, предприятия, рынок, притоны, наркотики, АЗС, маршрутные такси, оздоровительные и культурно-развлекательные центры, шоу-бизнес, пункты по приему металла, продажу спирта, табачных изделий "крышевать".

– Так это же грабеж средь бела дня!– возмутился подельник.– Они без ножа нас режут. Думают, что мы бесплатно перевозим на судах товары из Турции и Болгарии. За аренду флота плати,– он принялся загибать пальцы на руке.– За товар плати – два, пошлину, дань таможенникам и пограничникам – три, местным чиновникам, этим продажным гнидам – четыре. Сплошные поборы, не подмажешь, не поедешь. А теперь еще и конкуренты наезжают. Пальцев на руках и ногах не хватит.

– Повсюду поборы, один рэкет наезжает на другой. Кто круче, богаче, у кого больше бойцов, тот и погоду делает,– вздохнул Сова.– Интуиция меня не обманывает – в воздухе запахло жареным, предстоят разборки..

– Послушай, а где Мак? Ты же с ним неразлучен,– спросил Давид.

– Позвонил, что болеет, вчера перепил.

– Ты ему по-прежнему доверяешь?

– Вполне, исполнительный клерк, в мои дела не лезет. А что, есть информация?– пристально поглядел Ломов.

– Нет, но мне кажется, что Мак носит камень за пазухой, играет втемную. Слышал, как он распалялся, что отобьет у тебя эту черноглазую красавицу Южину. А может, уже отбил и забавляется ею. Поэтому она так странно себя ведет, словно ты с ней не спал, а только, как школьники за ручки держались.

– Да, с Сюзи, что-то произошло? Такая резкая перемена,– задумался Сова.– Пожалуй, ты прав, слишком строптива стала. Мак и сам как-то по пьяной лавочке признался, что из всех девушек варьете предпочел бы Южину. В ней есть особый шарм, изюминка, загадка. В черных глазах не грех утонуть. Но, если он вздумал мне рога наставить, я ему голову сорву. Пока, что

нет причин для беспокойства. Вечером я проверю, изменила мне Сюзи или нет? Тогда меня ничто не остановит.

– Блажен, кто верует. Но ты присмотрись к нему,– мягко заметил Давид.– Не внушает он мне доверия, скрытный, коварный, того и гляди, большую свинью подложит. У меня на засланных казачков, стукачей и соперников острый нюх. Из-за женщин даже войны возникали.

– Ну, и подозрительным ты стал,– усмехнулся Стас.– Больше оптимизма, больше блеска в глазах. Один раз на свете живем, поэтому прочь тоска и уныние!

– Вот именно,– подтвердил Яскин.– Береженого Бог бережет, хотя, как говорят, на Бога надейся, а сам не плошай.

– У меня ребята надежные. В стрелковом тире в спортзале занимаются, металл поднимают, бицепсы качают,– самодовольно ответил Сова.– Недаром я им по пятьсот долларов каждому в месяц плачу. Итак, вернемся к разговору. Либо мы твердо устоим на своей позиции, и тогда начнутся разборки с применением Калашникова и других стволов, либо соглашаемся с драконовскими условиями и теряем свою независимость, или на время сворачиваем дела и уходим в тень. В прошлом году меня вовремя предупредили, в горячее время удалось отсидеться в Болгарии. Может и на этот раз повезет?

– Боюсь, что дело зашло далеко,– покачал головой Давид. – Нашла коса на камень.

– Но пусть не забывают, что против лома нет приема, а против стволов тем более,– подтвердил Ломов.

– Да, сейчас, к сожалению, проблемы приходится решать с помощью убойных стволов,– с тоской в голосе и в глазах согласился Давид.– Редко удается договориться. Отморозки признают лишь культ грубой силы. Нескоро научатся цивилизованно, не рубить с плеча, а терпеливо развязывать гордиевы узлы.

– А что ты хочешь? Братва почувствовала культ силы и денег, особенно евро, долларов, открывших доступ к богатству, роскоши, красивым женщинам, застольям и иномаркам …

– Ты, Стас, ограничил бы их аппетиты для пользы дела, а кое-кто из них, словно гончая, отлученная от охоты, утратил чутье, нюх на опасность, а значит и бдительность. Самоуверенность и легкомыслие могут вылезти боком, дорого стоить.

– У меня с ментами, пока серьезных конфликтов и трений нет,– заметил Ломов.– Я им не мешаю, а наоборот, иногда отстегиваю в благотворительный фонд "Правопорядок", чтобы значит, был во всем порядок, поэтому и они мне не мешают заниматься своим бизнесом. Сейчас главное в своей среде найти общий язык, взаимопонимание, чтобы не нанесли коварный удар в спину. А, если кто такое замыслил, то надо его опередить и полностью обезвредить.

– Для этого надо обладать достоверной оперативной информацией о замыслах и планах потенциальных противников и конкурентов,– поддержал тему беседы подельник.– Лучший метод внедрение своих людей в чужой лагерь, либо вербовка, подкуп, шантаж и ликвидация тех, кто представляет опасность.

– Вот и займись этим. При твоем еврейском менталитете, эрудиции и хитрости, должно отлично получиться,– предположил Стас.– Возглавишь службу безопасности. В солидных фирмах существуют еще и службы разведки. Нам необходимо обзавестись своими информаторами в городской мэрии, милиции, прокуратуре, СБУ, чтобы точно знать их намерения. При показушной лояльности они способны нанести смертельный удар. Им опыта по осуществлению карательных операций не занимать.

– Сложное, правильное и заманчивое предложение,– отозвался Яскин.– Однако никто из чиновников и офицеров не станет рисковать должностью, положением, да и свободой, если нас задержат с поличным. Потребуются большие затраты на содержание агентурной сети, валюта и прочие блага. Все хотят жить красиво в свое удовольствие, при этом, не мозоля рук.

– Для начала нащупай слабые места,– посоветовал Стас.– Любого здорового мужика, будь то депутат или чиновник, после нескольких рюмок коньяка или водки обязательно потя-

нет на "клубничку". Вот и подложи под полезного для нас субъекта красоток из варьете. Предложи Алине, она женщина без комплексов и предрассудков, долго ломаться и капризничать не станет, набивая себе цену.

– Вот если бы Южина, многие мечтают эту прелестницу с черными глазами затащить в постель,– облизал губы Давид.

– Сюзи, барышня с характером и насилия над собой не потерпит. Ты видел, как она ведет себя гордо и независимо, словно не я, а она здесь хозяйка,– признался Ломов.– Другую овцу, будь она такой строптивой, я бы уже давно выставил за двери или отдал ребятам для плотских удовольствий. Но к Сюзи, сам неравнодушен, в ней таится какая-то тайна, магия. О таких особах, как она говорят, роковая женщина. Она притягивает: либо любовь и счастье, либо трагедию и печаль?

– О-о, поздравляю тебя Стас, тоже поверил в мистику,– усмехнулся Давид и подумал: " Все-таки он, как мудрая и осторожная Сова, тактик и стратег, понимающий ахиллесовы пяты организации и стремящийся опередить противника. Похоже, борьба за сферы влияния, землю в приморской курортной зоне и собственность развернется не на шутку".

– Что-то жарко здесь, потом прошибло,– сказал Сова, вытирая носовым платком вспотевшую залысину и затылок.– Надо будет кондиционер смонтировать.

Он поднялся, снял костюм, расслабил узел галстука и снова подсел к столу. Его собеседник, стойкий, словно эфиоп, к жаре, остался в черном пиджаке.

– Значит, вопрос стоит так: или платим дань или с оружием в руках защищаем свое место под солнцем,– с металлом в голосе произнес Сова и пристально поглядел на собеседника.– Ты готов меня поддержать?

Давид медлил с ответом.

– Слишком долго думаешь, а дорога каждая секунда, время – деньги,– напомнил Ломов.– Давай выпьем, мозги лучше заработают.

Выпили и, не глядя друг на друга, принялись закусывать грибами в сметане. Вдруг неожиданно музыка и шум в зале оборвались. Послышался чей-то приглушенный вскрик, а потом наступила непривычная тишина

– Не рано ли сделали антракт, ведь самый разгар?– приподнял голову Сова и взглянул на золотые наручные часы.

– Всего сорок пять минут двенадцатого. Что они там все вымерли? Сюзи! Сю-зи-и! Подика, сюда! Что случилось? Куда подевалась музыка?

Дверь в кабину распахнулась, но вместо Южиной вошли рослые под два метра мужчины в камуфляжной форме с автоматами в руках. Лица спрятаны под масками. Лишь колючий взгляд одного из них остановился на Сове. «Наверное, бойцы "Беркута" проводят очередной рейд по питейно-увеселительным заведениям»,– промелькнула в сознании Ломова спасительная мысль, но тут, же угасла, как огарок свечи. Сова замер, не донеся до рта вилку с наколотым грибом.

Свободной рукой судорожно пошарил в кармане брюк, и с горечью вспомнил, что пистолет ТТ остался в пиджаке, который он несколько минут назад снял. С холодным ознобом в сердце понял: киллеры, пришли по их души.

– Муж-жи-ки, братаны, может, договорим…,– автоматная очередь оборвала предсмертный крик Совы, отбросила его тело от стола на диван. Белая сорочка расцвела пунцовыми расползающимися пятнами крови. Иссеченные горячими пулями тела Совы и Яскина забились в конвульсиях, в цепких объятиях смерти. Вдребезги на мелкие осколки разлетелась ваза с букетом разбросанных с пятнами спекшейся крови роз.

Воздух был пропитан сладковато-приторным запахом крови и слабым – пороха. Киллеры действовали четко и осторожно, дабы не замарать кровью одежду и обувь. Молча вышли из кабины в зал, где еще несколько секунд назад звучала музыка и беззаботная публика прожигала

время и деньги, а грации варьете усердно демонстрировали свои прелести. Сейчас здесь витало холодное дыхание смерти, никто не знал, кому уготована следующая автоматная очередь. Все были уложены на пол, а охранники находились под прицелом третьего киллера.

– Кончаем их с контрольными выстрелами,– приказал старший из стрелков, заваливший Сову, и сухие очереди уложили охранников, разделивших участь своего хозяина и его партнера. Перед фасадом ресторана они расстреляли еще двоих охранников. Сели в автомобиль и скрылись в лабиринтах улиц ночного города.

Глава вторая

Операция "Перехват" была введена в действие спустя полчаса после выстрелов, прозвучавших в ресторане. У киллеров оказалось достаточно времени, чтобы минуя посты ГАИ, по проселочным дорогам выехать к берегу Азовского или Черного морей и на катере переправиться на таманский берег. А там ищи ветра в поле.

– Такого отстрела еще не было, сразу шесть трупов,– осматривая место преступления, озадаченно изрек следователь прокуратуры по особо важным делам Алексей Викторович Серебров.– Действовали профессионалы, а не дилетанты – произвели контрольные выстрелы в головы, чтоб наверняка.

Следователя по тревоге подняли ночью. Прямо с колес он включился в работу, помогая местным оперативникам нащупать нить следствия. После того как эксперт-криминалист сделал десятка два снимков окровавленных трупов в тех позах, как их застала смерть, они были вывезены в морг на вскрытие и исследование. Серебров вместе со старшим оперуполномоченным угрозыска Егором Белых тщательно обследовали каждый квадратный метр в ресторане, собрали стреляные гильзы, опросили круг свидетелей, располагающих ценной информацией.

В этот круг попали бармен Иван, официантка Сюзанна Южина, танцовщица Алина Шервиц, старшина милиции Тарас Цыбуля, седовласый господин, жаждавший горячего поцелуя юной дивы. Его проверяли на предмет возможной мести за то, что был оскорблен в самых нежных чувствах и грубо выставлен за порог.

После этого сгустившаяся кровь в кабине и в зале была соскоблена и полы тщательно вымыты. С тротуара у входа в ресторан кровь была смыта мощными струями воды из брандспойтов пожарной машины. Двери ресторана были наглухо заперты, опечатаны и взяты под охрану и наблюдение сотрудников милиции.

Следователь находился в одном из кабинетов, что в здании городской прокуратуры, когда от майора Белых поступило сообщение о том, что в пригороде обнаружены половину сгоревшее авто "Жигули", два автомата Калашникова, пистолет Макарова, четыре комплекта зеленовато–бурой одежды. На двух комплектах при тщательном осмотре все же удалось обнаружить следы крови. Собака след не взяла.

– Патроны в магазинах остались?– спросил Серебров.

– Нет, пусты. Ни патронов, ни гильз.

– Да, опытные киллеры. Все бросили: автомобиль, оружие и одежду. Не за что будет следствию зацепиться,– посетовал Алексей и приказал.– Обнаруженные вещи и оружие отправьте на экспертизу. Постарайтесь через службу МРЭО и ГАИ по номеру двигателя и кузова установить владельца автомобиля. Это очень важно. Возможно, удастся выйти на заказчика и исполнителей преступления.

– По этим направлениям уже ведется проверка. Оружие отправлено на баллистическую и техническую экспертизу, сделан запрос в республиканское ГАИ по поводу "Жигулей", по бурым пятнам на камуфляже устанавливается группа крови,– доложил Белых.

– Хорошо, действия верные, одобряю,– похвалил Серебров.– Загляни ко мне на часок, обсудить версии и план дальнейших оперативно– розыскных мероприятий.

– Буду минут через двадцать,– ответил майор.

Алексей Викторович Серебров, проработавший в прокуратуре около двадцати лет, не считал себя сведущим во всех вопросах следствия, розыска и криминалистики, поэтому вполне справедливо полагал, что следует посоветоваться с сотрудниками других служб. Это только в детективных романах одиночки ведут успешную борьбу с бандами головорезов, а в реальной жизни изобличить и задержать преступников – это итог напряженной работы следственной группы. Как руководитель, он обязан, умело и рационально, не распыляя силы по мелочам, организовать работу группы, чтобы проверив множество версий, выйти на верный след.

– Много шума наделала эта кровавая разборка,– прямо с порога кабинета сообщил тридцатидвухлетний майор Белых.– Ожидается приезд министра, начальника главка и других высоких чинов, намечено совещание по усилению борьбы с коррупцией и организованной преступностью. Все сотрудники шестого управления на ногах. Будет разнос, полетят погоны…

– Для того, чтобы найти крайнего и снять стружку, большого ума не надо,– ответил Серебров.– А вот для того, чтобы изменить систему, порождающую благоприятные условия для разгула криминала в экономике и в политике, необходимо напрячь серое вещество. А оно не у каждого полноценно. Вот увидишь, пройдет совещание, как это случалось не однажды, кто-то лишится должности, кому-то объявят выговор, накажут "стрелочников" и страсти улягутся. Министр и генералы разъедутся по своим кабинетам, а преступление, майор, придется раскрывать нам. Поэтому поменьше бурных эмоций и суеты, больше холодной рассудительности. Начнем с анализа имеющихся у нас фактов. Их немного, но они наводят на интересные размышления и версии.

Белых сидел у стола, внимая словам, делал пометки в блокноте.

– Акция киллерами проведена безупречно. Никто из посторонних не пострадал. Значит, они знали погибших в лицо, либо у них был опытный наводчик, находившийся среди посетителей ресторана. Возможно с мобильным телефоном, пейджером или микро-радиопередатчиком.

– Вполне вероятно при нынешнем прогрессе в средствах связи,– согласился майор.– Снайперов, как правило, нанимают из отдаленных городов и регионов. Получив заказ, они хладнокровно совершают убийство и с гонораром в валюте сваливают подальше. Живут в ожидании очередного выгодного заказа. А сейчас в дикий период первоначального накопления капитала недостатка в подобных заказах нет.

– К сожалению, ты прав и трудно переломить ход событий,– заметил Серебров.– Значит, в зале находился наводчик. Нападавших было четверо и водитель "Жигули" в штатском.

– Я указал эти сведения в ориентировке, переданной во все УВД, городские и районные отделы милиции на возможных путях отхода преступников,– сказал майор.

– Меня насторожил такой факт,– продолжил следователь.– Примерно за пятнадцать-двадцать минут до появления в ресторане Ломова, Яскина и охранников старшина милиции Тарас Цыбуля покинул свой пост, чего за ним прежде не замечали, ушел домой. Не сделал ли он это сознательно, получив информацию о готовящемся преступлении?

– Его могли и не посвящать в суть акции, а за взятку посоветовали оставить пост. Могли и без взятки припугнуть, способов ведь немало,– предположил Егор Белых.– Месяцами задерживается выплата довольствия, а жена требует деньги, поэтому и подкуп возможен. Слаб человек в своих житейских потребностях.

– Это не должно служить оправданием,– сурово возразил Серебров.– Превыше благ долг и честь. Вызовите его повесткой, пусть даст показания, напишет объяснительную. Надо выяснить был ли в его поступке злой умысел. Позаботьтесь о безопасности свидетелей Сюзанны, Алины, и бармена.

– Алексей Викторович, меня на все не хватает,– взмолился майор.– Все опера задействованы, нарасхват.

– Хорошо, сам попрошу полковника,– согласился Серебров.– Он должен войти в положение, уголовное дело необычное, на контроле в министерстве. Я не исключаю продолжение разборок и охоту на свидетелей. Поэтому надо быть готовыми к худшему развитию событий. Нам предстоит еще одно серьезное испытание – похороны погибших.

– Да, серьезная церемония. Пацанов жалко, девятнадцати – двадцатилетние ребята полегли. Глупая бравада, какие из них телохранители, а матерям и отцам горе. И все из-за безработицы, негде юношам и девушкам честным трудом хлеб зарабатывать, заводы разорены, рыболовный флот продан за бесценок иностранным фирмам. Не могу видеть людские страдания,– произнес майор и смутился своей откровенности.

– Проблем в государстве по самую крышу, пусть эти завалы разгребают политики, нагородившие их,– отозвался следователь, поняв его смущение.– А к горю, даже чужому, привыкнуть невозможно. Ничто человеческое нам не чуждо. Это хорошо, что наши сердца не зачерствели, что мы чувствуем чужую боль.

– Моему сыну четырнадцать лет,– неловко вымолвил майор.– И представляю, что твориться на душе родителей, потерявших своих детей в таком молодом возрасте.

– Есть и вина родителей, что не смогли удержать ребят от соблазнов красивой жизни. Ломов и Яскин, будучи предпринимателями, знали, на что шли, пожили, хоть и мало, но всласть, пацаны по глупости погибли. Мы обязаны уберечь других от подобной участи. Надо найти и обезвредить преступников, ибо безнаказанность порождает вседозволенность. Этот постулат проверен многолетней практикой.

Алексей Викторович на мгновение сделал паузу и продолжил:

– Во время траурной процессии и на кладбище не исключены акции устрашения. Поэтому все скорбные мероприятия следует взять под жесткий контроль. Я сам буду в рядах процессии, а ты заранее направь группу саперов. Пусть обследуют кладбище и место захоронения. Я уже распорядился, чтобы начальник ЭКО капитан Завалин направил операторов со скрытыми кинокамерами для съемки. Даст Бог, на кассету попадут интересующие нас субъекты. Из практики знаю, что они обожают взирать на трупы своих недавних врагов. Полковник пообещал максимально задействовать личный состав, чтобы избежать эксцессов.

Серебров пристально, словно стремясь проникнуть в его сознание, поглядел на Белых. Тот стушевался, нетерпеливо заерзал на стуле и неуверенно спросил:

– Что-нибудь еще?

– Майор, не допускаешь ли мысли, что Ломова, Яскина и охранников отстреляли с ведома представителей власти?– неожиданно спросил следователь. Столь откровенный вопрос озадачил майора и он, подумав, не таится ли за этим подвох, ответил уклончиво:

– Все возможно. Но, тогда есть смысл отработать версию о коррупции – сращивании чиновников с авторитетами криминала.

– Чтобы не доводить дело до суда, когда выявляются порочащие связи с преступниками, факты покровительства, "сверху" дается тайный приказ на ликвидацию авторитета и его ближайших соратников, владеющих нежелательной, а значит, опасной информацией. Пулю в лоб, и концы в воду. Нет человека – нет проблем. Такой исход не нами придуман, а практикуется веками.

– Вполне логично,– согласился майор.– Навсегда закрыты уста, и тайна уходит в могилу.

– Но дело небезнадежно,– заметил Серебров.– Остаются второстепенные лица, которые могли бы пролить свет на событие и дать перспективу следствию. Интересен и еще один факт. Минут за двадцать до кровавой бойни в клубе произошел инцидент. Один из захмелевших и сексуально озабоченных посетителей полез на сцену к танцовщицам с откровенным намерением публично затащить одну из девиц Алину Шервиц в номер. Но девушка ударила его ногой в лицо и разбила нос. Мужчина устроил скандал. Тогда один из охранников Совы усмирил

его и вывел из клуба. Конечно, надо понять состояние мужчина, он был унижен и оскорблен и горел жаждой мести.

– Полагаешь, что из мести он заказал группу опытных киллеров для наказания обидчиков?

– Не исключено, ведь нищие клиенты в подобные питейно-развлекательные с интимными услугами заведения не ходят, а стареющий барыга может себе позволить такие шалости и удовольствия.

– Даже теоретически он не смог бы так быстро среагировать на инцидент. Другое дело, как это часто бывает в подобных ситуациях, сам бы пришел с ножом или ружьем,– возразил следователь.– Возможно, что у него на подхвате группа боевиков.

– Сомневаюсь, ведь в таком случае он бы появился в клубе в сопровождении одного-двух телохранителей. Впрочем, надо срочно установить личность этого мужчины. Он мог действовать из принципов обиды и даже мести,– поддержал Белых.– Но, Алексей Викторович, не будем переоценивать свои силы и возможности. Как только мы начнем отработку этой версии, нас в лучшем случае отстранят от дела. Это типичный прием. Найдут массу причин, сошлются на нарушения норм УПК и прочее. В конце концов, сфабрикуют компромат. Специалистов по этой части хоть пруд пруди. За валюту готовы, даже родных отца и мать продать.

– Препятствий может возникнуть много, если за этой акцией стоят влиятельные лица. Дело нашей чести проверить и эту версию, чтобы не скатиться на ложный след.

– Конечно, дело профессиональной чести,– повторил майор и с грустью в глазах произнес.– Обстоятельства, порою, сильнее нас. Есть закон, но есть и сила, влияние которой иной раз превосходит закон. Весь вопрос в том, чья сила возьмет?

– О нашем откровенном разговоре никому ни слова,– велел следователь.– Будем считать его дискуссией на тему коррупции и эффективной борьбы с нею. Но эту коррозию обществу никогда не удастся изжить, ее лишь можно уменьшить.

– Солидарен, следственная тайна не подлежит оглашению,– улыбнулся Белых, в глубине души осознавая, что такой принципиальный следователь не откажется от разработки версии. Наверняка, займется ею сам. Что ж Богу – богово, а кесарю – кесарево.

– Я вас не задерживаю,– сказал Алексей Викторович, дав понять, что разговор окончен.– О новых фактах информируйте меня в любое время суток. А сам займусь свидетелями, заждались они.

Вооруженный программой оперативных действий, Белых покинул кабинет следователя.

Глава третья

Серебров раскрыл папку уголовного дела с постановлением и протоколом осмотра места преступления, с первоначальными показаниями свидетелей в ходе дознания.

"Черновая, рутинная работа,– вздохнул он.– Но без нее невозможен успех. Работа следователя сравнима с напряженной работой старателя на приисках, промывающего тонны песка и породы в поиске сверкающих драгоценных песчинок, а если крупно повезет, то и золотого самородка. Только конечные цели разные – поиск самородка, и изобличение и наказание преступника, а значит, спасенная от него человеческая, не имеющая цены, жизнь. Эта благородная цель и движет следователем. Выйду на пенсию, если, конечно, бандитская пуля не сразит, и займусь литературным творчеством. Столько захватывающих сюжетов, столько замыслов сами просятся на бумагу. Однако размечтался".

Он нажал на кнопку аппарата селекторной связи и, услышав приятный голос секретарши, попросил:

– Пригласите ко мне Сюзанну Николаевну Южину.

Вошла стройная темноволосая девушка с перекинутой через плечо сумочкой с золотистыми застежками.

– Здравствуйте,– произнесла и подала листок повестки. Следователь дружелюбно ответил на приветствие и пригласил присесть к столу. Секунду-другую задержал взгляд на ее милом лице и начал нестандартно, чтобы расположить и вызвать на откровенность.

– Сюзанна? Красивое, но странное для русской девушки имя. Сюзанна Николаевна, звучит непривычно, но романтично.

Он заметил, как едва уловимая улыбка коснулась ее сочных в перламутровой помаде губ. Чуть помедлив, Южина призналась:

– Мама, начитавшись французских романов Флобера, Золя, Гюго, Оноре де Бальзака, Мопассана и других, назвала меня так. Для краткости подруги и друзья называют меня Сюзи. Один чудак, он живет в моем подъезде на седьмом этаже, а я на пятом, начитавшись зарубежных детективов, назвал свою дочку Ребекой,– сообщила женщина.– Она подросла и пошла в школу и теперь девочку дразнят курой Рябой.

– Да, бывают такие казусы,– заметил следователь.– Родители часто не думают о последствиях, о том, как это в будущем отразится на детях. Но ваша матушка, назвавшая вас Сюзанной, попала, как говорится, в "яблочко". Вам это имя очень даже к лицу. В Париже вас бы охотно приняли за француженку. Красивая, умная, очаровательная…

– Мне и самой нравиться это имя,– обольстительно улыбнулась девушка.– Иначе бы давно поменяла на Татьяну или Светлану.

– Но Сюзанна, имейте в виду, что в ближайшей перспективе, ни Париж, ни даже Москва и Киев вам не светят. До завершения следствия из города ни шагу,– предупредил Серебров.– Я, конечно, мог бы принять в отношении вас меру пресечения – подписку о невыезде. Но из-за того, что вы очень искренни, тверды в своих принципах и симпатичны, я не стану вас напрягать.

– Спасибо,– она одарила его нежной улыбкой, от которой у офицера учащенно забилось сердце, он подумал: "До чего приятна и загадочна магия женского обольщения, ее хмельных наслаждений".

– Не волнуйтесь, господин следователь. Если бы я даже захотела куда– то уехать или улететь на самолете, то для дальних поездок нет средств, поэтому заграница мне не светит,– ответила она.

– Не поверю, что у такой очаровательной женщины нет состоятельного спонсора, как сейчас модно говорить, бой-френда?– усмехнулся следователь.

– Я собой не торгую и красотой не размениваюсь. Меня не прельщает роль и судьба Соньки Золотой ручки,– парировала Сюзанна.– К тому же, у меня нет причин для панического бегства, я к кровавой драме совершенно не причастна.

– Вот и замечательно! Вы мне еще потребуетесь в качестве свидетеля. И вообще, приятно беседовать с эрудированным, понимающим человеком,– признался он.

– Так это была беседа, а не допрос?

– Да, задушевная беседа,– с удовольствием подтвердил Серебров и доверительно произнес.– Мне как-то рассказали достоверный случай. Один крестьянин из глухой деревни побывал на железнодорожной станции и услышал слово "квитанция". Оно ему так понравилось, что он нарек им дочь. Получилось Квитанция Ивановна. Так в метрику в сельсовете и записали, менять имя не стали. Женщина рассмеялась и заметила:

– Ничего удивительного, ведь была мода, когда мальчиков называли Темп, а девочек Индустрия, Пятилетка… У поколений каждой эпохи свои идеалы, кумиры и причуды.

– Сюзанна Николаевна, извините за беспокойство,– мягко переменил тему следователь.– Профессия и долг обязывают. Задача у нас с вами одна – найти преступников. Мне стало известно, что вы находились в близких отношениях с Совой, то есть с Ломовым. Я вам искренне сочувствую, такую утрату тяжело пережить…

– Говорите уж прямо, что была его любовницей,– оборвала Сюзанна и выплеснула накипевшее.– Он брал меня силой, угрозами, обещаниями изгнать и опозорить. Это были отношения по принуждению и Бог его сурово покарал…

– Почему не заявили в милицию или прокуратуру о факте изнасилования?– спросил Алексей Викторович.

– В милицию?– горько рассмеялась она.– Умная женщина не станет трезвонить об этом на весь свет. Тогда пришлось бы уехать из города, куда глаза глядят. А у меня мама одна, больная, нуждается в помощи. Куда я с ней? Ломов обвел меня вокруг пальца, для приманки дал пятьсот долларов, кое-какие подарки – безделушки, бижутерию. Когда я заупрямилась, велел все возвратить, грозился уволить. И я сломалась, он меня напоил, чтобы не стыдно было отдаваться. Господи, зачем я вам все это рассказываю? Они думают, что за деньги все можно купить, в то числе и любовь. За все прегрешения рано или поздно придется отвечать перед Богом.

– Такая прекрасная женщина и общаетесь с не вызывающими доверия и уважения субъектами,– искренне посетовал следователь.

– Вы меня осуждаете?– спросила Сюзанна с грустью.

– Нет, каждый волен распоряжаться своей жизнью, как ему угодно,– ответил Серебров. Однако в его голосе она уловила едва различимый упрек. И он, действительно был огорчен, что она растрачивает себя по мелочам. Наверное, ублажает прихоти не достойных, жирующих на страданиях людей, коррупционеров и казнокрадов.

– На какие средства прикажите жить?– по выражению его лица уловила она его настроение, досаду.– Ехать в Турцию, где обожают наших Наташек или в страны Бенилюкс и днем торговать в лавчонках, а ночью в секс-салонах ублажать, какого-нибудь потного и жирного Ахмета за валюту. Или наняться нянькой, служанкой к буржуям в Греции, Испании и выносить горшки из-под чужих детей? Если бы я была не такой очаровательной, невзрачной девчонкой, но ведь при моих внешних данных, красоте любой хозяин, будь он даже импотентом раскатает губу, постарается в первую, же ночь затянуть в постель, как сейчас принято говорить, на "обкатку". Такая участь мне претит, ниже моего человеческого достоинства. Я ведь не игрушка для чужих забав и наслаждений.

– А что ваш благодетель, не отстегивал деньги на женские потребности и капризы?– поинтересовался следователь.

– Ха-ха,– встрепенулась она.– Да он жмот, каких свет не видывал. У него среди зимы снега не выпросишь. Все норовил бесплатно "клубнички" отведать, мол, его по рангу обязаны обслуживать по высшему разряду. Брал пример с "севастопольского папы", который летом летал на личном вертолете над пляжами и высматривал юных красавиц с изящными фигурами и пышными выпуклостями. Его агенты, находясь на мобильной связи, брали приглянувшихся шефу девиц и женщин в оборот. Приглашали в ресторан или казино, щедро угощали, заманив в ловушку. А потом доставляли их в офис, что на мысе Фиолент, где после "обкатки", то есть сексуальной пробы, "папа" сплавлял их в страны Бенилюкс.

– О-о, вам и это известно?– удивился следователь.

– Земля слухом полнится. Правда, "папа" пожил красиво в свое удовольствие, но не долго. Кто-то ошибочно посчитал, что именно по его приказу завалили Башмака, поэтому, как в Сицилии, ответили вендеттой. На поминках произошла кровавая разборка.

– Какая поразительная осведомленность! Так вы тоже Сову обслуживали?– спросил он.

– Стас пытался сделать любовницей, но не на ту нарвался. Нашла коса на камень,– зардевшись румянцем, произнесла женщина.– К тому же таких бестактных вопросов в культурном обществе не принято задавать женщине. Мы ведь, слава Бога, не животные, не в дикой природе, а мыслящие создания.

– Да, вы правы, извините, пожалуйста, увлекся,– смутился Серебров. В следующую минуту она вогнала его в краску своим вопросом:

– А вы, наверняка, не отказались бы со мной переспать. Так ведь, признавайтесь?

– Это к делу не относится,– сухо ответил он.

– По глазам вижу, что не отказались, бы,– уверенно заметила Южина.– А-а, все вы, и с погонами и без погон, из одного теста. Теряете голову при виде молодых, стройных и очаровательных. Для вас женщина в первую очередь источник наслаждения, может я не права?

– Мы отклонились от темы,– уклончиво заметил он.

– Однако это приятное отклонение,– улыбнулась она и иронизировала.– Не забудьте зафиксировать в протоколе для истории. Через десятки лет, когда наши следы остынут на этой грешной земле, ваш последователь сдует с папки уголовного дела архивную пыль и узнает, как тепло общались следователь и свидетель или может уже подозреваемая?

– Нет, свидетель,– подтвердил Алексей Викторович.– И не тешьте себя иллюзиями, уголовное дело это не любовный роман, а свод сухих и скучных документов, среди которых нет места лирическим рассуждениям и отступлениям.

– Очень жаль,– вздохнула женщина, а Серебров возвратил разговор в деловое русло.

– Сюзанна Николаевна, вспомните, не высказывал ли он в вашем присутствии каких-либо опасений за свою жизнь. Будьте откровенны, это в интересах следствия.

– Нет, Стас меня в свои дела не посвящал, считая, что женщины неспособны хранить тайну,– сухо ответила она.– Наверное, чувствовал мое враждебное отношение к себе и вынужден был считаться с этим.

– Да, характер у вас нордический,– похвалил следователь, и после того, как она прочитала и завизировала на листе " С моих слов записано, верно", поставив подпись на протоколе показаний, он по-рыцарски проводил ее до дверей кабинета.

Серебров, за годы своей практики уверовав в то, что в зависимости от личности подозреваемого или свидетеля, тактика доброжелательности, располагающая к откровенности, бывает эффективнее психологического прессинга, угроз, шантажа, а нередко и физического воздействия, как это еще делают наследники теории Вышинского о признании, как царице доказательств, то есть под влиянием насилия и пыток.

– Возможно, еще раз придется вас пригласить, ведь дело довольно запутанное.

– К вашим услугам,– ответила Южина, покидая кабинет.– Даже, если вы не найдете убийц большой беды не будет. Сова получил по заслугам. Он многим перешел дорогу.

– А как же остальные? Кто ответит за их кровь?– напрямую спросил он, пристально глядя в глаза.

– Ребята погибли по глупости,– остановилась она.– Бравировали, гордились ролью телохранителей. Нашли романтику. Да и то сказать, не дети, знали, на что шли…

Сюзанна вышла, оставив Сереброву впечатление неопределенности. Спустя несколько минут, он пригласил танцовщицу из варьете Алину Гаевну Шервиц. Она вошло в темно-коричневом длинном платье и в черных туфлях на высоких каблуках. Рыжие, почти медного цвета волосы, были собраны в узел. Верхнюю часть лица прикрывала сеточка черной вуали, на руках черные ажурные перчатки. Весь ее облик выражал глубокую скорбь.

– Ох, какое невыносимое горе,– прямо с порога запричитала она, поднеся к глазам ажурно-кружевной платочек.– Что со мной будет? Какая я бедная и несчастная…

– Я вам сочувствую,– быстро сориентировался следователь. Взял ее под руку, и бережно усадил на стул.

– Алина Гаевна, судя по вашим страданиям, вас с Ломовым связывали теплые чувства,– начал он осторожно, но она перебила:– Зовите меня Алей, так ласково ко мне обращался Стас, так называют меня лучшие подруги.

– Сюзанна Южина среди них?

– Нет, она гордячка, ведет себя, как недотрога. У меня с ней натянутые отношения,– сухо заявила Шервиц.

– Понятно, Аля, она вам перешла дорогу, а вернее Ломов сам положил на нее глаз,– заметил Серебров.

– Он на всех девчонок положил и не только глаз,– сорвалось с ее капризных губ в темно-вишневой помаде.

– Не говорил ли Стас в приватной беседе, что ему кто-то угрожает?

– Нет, он был уверен в своих силах,– повела она носиком.– Мы с ним болтали о поэзии, живописи, театре. Стас мечтал собрать коллекцию ценных картин. Репродукции – это чушь, а вот оригиналы стоят большущих денег. Собирался в Париж, на аукцион. А теперь вот, придется завтра провожать на кладбище. Верно, говорят, что человек предполагает, а Бог располагает. Стаса не уберег, меня сделал соломенной вдовой.

Алина вытерла повлажневшие глаза черным кружевным платочком.

– Такая юная женщина не может быть соломенной вдовой. Рано вам отчаиваться и себя хоронить, впереди целая жизнь.

– Никто не знает, кому и сколько лет отведено на этой грешной земле. В любой момент может жизнь оборваться, лопнуть словно струна,– с грустью ответила женщина.

– Вы с Ломовым были расписаны или состояли в гражданском браке?– спросил он.

– У вас в руках мой паспорт и в нем нет штампа о браке,– резонно заметила Шервиц.

– Я хочу это услышать от вас.

– Официально не расписаны, но полгода живем, как муж и жена. Мечтали о ребеночке, но не успели, хотя… может Господь одарит.

– Жили,– поправил следователь.

– Да жили под одной крышей,– она горестно опустила голову.– Стасик был ласковым и нежным.

– Меня не интересуют ваши интимные подробности. Отвечайте по существу на мои вопросы.

– Я его не торопила с оформлением брака, как и с зачатием ребенка,– пропустила она его замечание.– Сейчас горько сожалею.

– Почему?

– Как почему?– воспрянула Алина духом и упрекнула.– Странно от вас слышать этот вопрос, вы же юрист. Будь я его официальной женой, то по закону была бы прямой наследницей его капитала, недвижимости и банковских счетов. А теперь все это богатство достанется его родственникам. Надо было хоть ребенка от него родить. А так прощай обещанная яхта и отдых на Канарских островах.

– Ваше дело.– табак,– с иронией посочувствовал Серебров.– Сожительнице наследство не полагается. К тому же по приговору, если в суде будет доказано его криминальное происхождение, то может быть конфисковано в пользу государства. К тому же вы у него не единственная сожительница.

– Вы имеете в виду Сюзанну Южину?– встрепенулась она, нервно теребя снятые перчатки.

– Именно.

– Не верьте этой каланче. Она такое наплетет из зависти,– поспешно произнесла Шервиц.– Стас собирался выгнать ее из ресторана, лишить прибыльной работы. Жаль не успел. Сюзанна слишком гордая, независимая, себе на уме. А кто она? Девчонка с улицы к тому же неблагодарная.

– Чем занимался ваш сожитель? Какой у него остался бизнес?– перевел он разговор в другое русло.

– Знаю, что Стас скупал крупные партии товара: спиртные напитки, пиво, сигареты, одежду и радиоаппаратуру. В городе у него сеть магазинов, баров и киосков. Ресторан-казино тоже его.

– Кто совладелец или совладельцы?

– Не знаю. В ресторане часто бывали те, кого называют крутыми и новыми, а также городское начальство, депутаты, чиновники, музыканты, журналисты. Очень любили отмечать у нас разные праздники, юбилеи, обмывали награды, да и просто устраивали тусовки, развлекались от души. Угощали, девочек баловали подарками, мы в долгу не оставались, охотно ублажали.

– Чем платили?

– Известно чем, улыбками, ласками. Интересно, придут на похороны или отсидятся в своих норах, как кроты? Пока человек жив и богат его на руках носят, пушинки с одежды сдувают и каждое слово с трепетом ловят, а как перестало сердце биться, то и забыли. Стаса все уважали и боялись, потому что он был решительным.

– Значит, оказывали интимные услуги?

Шервиц на мгновение стушевалась, но все, же взяла себя в руки:

– Я вам об этом не говорила. Но вы умный человек и сами способны догадаться. Жизнь – жестокая штука, особенно в период развала и бардака. Каждый сейчас зарабатывает, как может ради физического выживания. Пока юные и молодые, девчонкам хочется прилично, модно одеться, купить косметику. А все эти аксессуары очень дорогие, вот и вынуждены ублажать клиентов за валюту и подарки. Об этом в городе всем известно. Странно, что вы не знаете.

– Где оказывались эти услуги? В здании ресторана или…

– В гостиницу, в "Салон красоты", на квартиру или на дачу увозили, а летом на "природу" или к морю,– призналась она. И по тому, с каким азартом она рассказывала подробности богемной жизни, следователь понял, что это доставляет ей удовольствие.

– Ломов это поощрял?

– Не препятствовал, потому что это привлекало мужчин в ресторан лучше любой рекламы,– точно подметила Алина и вдруг всполошилась,– Что я вам наговорила, не верьте! Ведь нас могут прикрыть. Я и другие девочки останемся без работы. Это не для протокола.

– Не волнуйтесь Алина Гаевна, ваши показания вам не повредят,– заверил Серебров.– Но остерегайтесь контактов с незнакомыми людьми.

Она с большой неохотой подписала протокол показаний и удалилась, недовольная тем, что капитал Совы, словно золотая рыбка, выскользнул из рук.

Третьим к следователю был вызван старшина милиции Тарас Цыбуля. Грузный почти квадратный, килограммов за сто, он тяжело ввалился в кабинет.

– Раз-решите-е?– лениво разомкнул челюсти с двойным свисающим на воротник фиолетовой сорочки подбородком.

– Проходите, садитесь, Тарас Матвеевич.

Едва старшина положил свое тело на два сдвинутые стула, как Серебров с места в карьер спросил:

– Почему в момент преступления вас не оказалось на месте? Оставили свой пост, в военное время, понимаете, чем бы это кончилось?

– Знамо чим, трибуналом и расстрелом,– выдавил из себя Цыбуля, и следователь заметил, как его заплывшие жиром глаза воровато забегали. Алексей Викторович не сомневался, что старшина заранее подготовился к вопросу.

– Мэни по телефону заявылы, що у жинкы пиднявся тыск, вона у мэнэ гипертоник,– сказал он по-украински.– Я швыдко поихав до хаты.

– Кто вам звонил?

– Чоловичий, незнаемый голос.

– "Скорую помощь" вызывали?

– Ни. По сусидству жывэ медсистра, вона допомогла,– не моргнув глазом, ответил старшина.

– Неубедительно. У вас, наверняка, есть в запасе другая версия и не одна?– предположил следователь.– Выкладывайте, как на духу, не скупитесь.

– Як щирый украинец, дюже побажав сало с цыбулей, а його в той вечор в мэню ресторана нэ було. Ось я и почапав до хаты,– с лукавством в глазах ответил Цыбуля, посчитав этот аргумент неотразимым.– Потрибно слухаться своего шлунка.

– Да, путь к сердцу мужчины лежит через желудок,– с иронией подтвердил Серебров.– Однако, пан Цыбуля, ваши версии шиты белыми нитками. Вас предупредили о готовящемся преступлении, вы вовремя ретировались, чтобы не стать жертвой или свидетелем.

– Брехня. Як бы знав, то залышывся бы на своему посту, та вбыв бы злочинцив,– не моргнув глазом, заверил Тарас Матвеевич и чуть ли всплакнул.– Якых гарных хлопцив загубылы злодеи…

– Вы при себе имели оружие?

– А як же, пистолэт ТТ.

– Не кажется ли вам странным стечение обстоятельств, что именно в момент вашего отсутствия было совершено убийство? Телефонный вызов мог быть ложным. Вас специально удалили из зала.

– Ничого не знамо,– пожал старшина полными плечами и заметил.– С пистолэтом проты автомата ни попрешь. Мабуть був бы и сьомый труп. Боже, сохрани и помилуй.

Он украдкой перекрестился.

– Вы могли бы реально помешать наемникам, ранить или даже убить. Это облегчило бы розыск остальных преступников.

– Мабуть не доля,– равнодушно-вяло ответил Тарас, словно произношение стоило ему больших усилий.

– Ладно, старшина, пока свободны, но из города никуда не уезжайте,– жестко произнес следователь.– А версию твою насчет телефонного звонка я обязательно проверю.

– Вы що мэнэ избралы миру пресечиння, подписку о невыезде?– опешил Цибуля, проявив юридическую грамотность.– Я що, пидозриваемый? Кажить, чтоб я зрозумив?

– Пока нет, живите и спите спокойно, но ваше отсутствие на посту во время совершения преступления, довольно странно,– заметил следователь.– То ли это редкое стечение обстоятельств, то ли сознательный ход? Будем дотошно разбираться в ситуации.

Озадаченный старшина тяжело вывалился из кабинета, а следователю вспомнился вдребезги разбитый телефон на тумбочке у милицейского поста в холле ресторана. Вот почему сигнал в дежурную часть УВД поступил с большим опозданием. Никто из очевидцев, опасаясь за свою жизнь, не рискнул по мобильному телефону, даже после бегства киллеров, сообщить в милицию. Опасались, что в зале могли оставаться наводчики. В результате драгоценные минуты были потеряны.

Из показаний бармена Ивана и седовласого мужчины, которому так и не удалось сорвать поцелуй юной дивы, сколько-нибудь ценной информации Алексей Викторович не извлек. Они лишь подтвердили и дополнили приметы нападавших: высокие, спортивного телосложения, в камуфляжной пятнистой одежде, с масками на лицах и в перчатках. До последнего момента, пока не началась стрельба, посетители ресторана не сомневались, что это бойцы из подразделения быстрого реагирования "Беркут", которые и раньше проводили рейды по питейным заведениям. Возможно, и охранников Совы их появление ввело в заблуждение, притупив бдительность. Они не успели применить оружие. Такой исход дела навел Сереброва на мысль, что организаторы и исполнители продумали акцию до мелочей, учли даже психологический фактор.

Глава четвертая

В двух церквях отцы–настоятели, опасаясь возможных инцидентов, отказались провести отпевание погибших. Лишь в третьей молодой священник, отец Леонтий, то ли под нажимом авторитетов, то ли за большую мзду на ремонт церкви и отливку колокола, то ли из сострадания к горю родителей, совершил отпевание. Прочитал молитву за упокой убиенных рабов божьих, отпустил грехи и окурил трупы благовониями из подвешенного на медной цепочке кадила.

На кладбище при выборе места захоронения произошла заминка. "Авторитеты" решили похоронить погибших на почетной аллее, рядом с могилами воинов-интернационалистов, но активисты комитета бывших воинов-афганцев посчитали это оскорбительным для себя. Чтобы дело не переросло в серьезный конфликт, администрация города подыскала на погосте равноценные места.

После отпевания парни в черных костюмах с белыми повязками на рукавах под звуки траурного марша пронесли на плечах шесть гробов к катафалкам и грузовикам с открытыми бортами и застеленными коврами. Установили гробы и, процессия в несколько тысяч человек, медленно двинулась по центральной улице, оцепленной работниками милиции, агентами службы безопасности и воинами местного гарнизона.

Год назад подобным образом хоронили "авторитета", погибшего при загадочных обстоятельствах в ДТП. Тогда, по версии, у "Mercedes" отказали тормоза, поэтому опыт по охране правопорядка милиция обрела. И на сей раз, инспектора ГАИ перекрыли движение транспорта, отключили светофоры на перекрестках, перегородили проезжую часть тяжелыми КрАЗами с прицепами.

Венки, цветы, черные траурные ленты со словами скорби, сжимающая сердце скорбная музыка – весь этот живой поток, привлекая взоры любопытных, двигался по улицам, демонстрируя трагически-торжественную значимость события.

Почти весь личный состав милиции был задействован в этом мероприятии. Дополнительно из Симферополя была прислана рота ПБР "Беркут" и два взвода военнослужащих внутренних войск на случай массовых беспорядков.

Серебров и Белых находились в черной "Волге"– одной из машин сопровождения и внимательно наблюдали за всеми перемещениями в колоннах, где находились сотрудники угрозыска. Никто не исключал вероятность терактов в качестве мести за погибших.

В конце улицы процессия остановилась. Музыканты духового оркестра и провожающие разместились в пяти автобусах "Икарус" и траурный кортеж, прибавив скорость, выехал на дорогу, ведущую на кладбище. Похоронная процессия на всем пути движения сопровождалась раздиравшей слух какофонией автомобильных сирен и сигналов, напоминавших, но с меньшим количеством децибелов, свадебный кортеж, привлекавший к себе внимание прохожих.

– Следовало бы запретить этот дикий психоз, всеобщее помешательство,– посетовал майор.– Это же наглый вызов обществу, демонстрация значимости и силы, акт устрашения.

– Мне этот спектакль с элементами маскарада тоже не по душе,– признался следователь.– Но все, же это не праздник, не юбилей, а похороны, горе для родителей погибших, поэтому надо набраться терпения. Своим вмешательством, запретами мы можем у этой раскаленной массы людей, вызвать возмущение, протест и даже акции хулиганства и беспорядки. Не будем нарушать сценарий, форсировать события и необдуманными действиями накалять и без того взрывоопасную обстановку. Генпрокурор и прокурор республики, у которых дело на контроле, лично приказали действовать максимально аккуратно, а при необходимости решительно и жестко, как того требует закон.

Эти объяснения убедили Белых в правоте и верности избранной тактики. Перед высокими арочными воротами, последней обители усопших, катафалки, автобусы и легковые машины замерли. И вновь парни в черных костюмах понесли гробы. Впереди с траурным стя-

гом шествовал высокорослый распорядитель процессии. Следом, словно на волнах, поплыли венки, цветы, деревянные кресты, послышались рыдания и стоны. Музыканты старательно выдували из сверкающих в лучах июльского солнца медных инструментов самые печальные мелодии.

Следователь, оставив у ворот "Волгу", вместе с майором Белых присоединился к колонне. Беглыми взглядами они изучали лица людей, не сомневаясь в том, что среди них обязательно должен находиться и причастные к убийствам. Конечно, след киллеров, давно остыл, но остались заказчик и организатор, отслеживающие ситуацию, чтобы упредить действия оперативно-следственной группы. Предстоял незримый напряженный поединок с дерзкими преступниками.

– Съемка ведется?– вполголоса спросил Алексей Викторович у Егора.

– Да, работают три оператора и фотограф,– также тихо ответил майор.

– Это один из них?– взглядом указал Серебров на высокого мужчину с импортной кинокамерой, увлеченного съемкой.

– Нет, этот из студии телевидения,– сообщил Белых.– Наши снимают незаметно и аккуратно, как говорится, скрытой камерой для конспирации, чтобы не «засветиться».

– Здесь немало любителей – операторов, фотографов, решивших запечатлеть исторический момент,– сказал следователь.– Оно и понятно, событие громкое, когда еще выпадет. Прикажи своим ребятам, чтобы всех взяли под контроль. После похорон надо будет тщательно изучить весь отснятый материал. Вдруг интересные персоны на кадрах засветятся. Нельзя упускать ни одного шанса. У нас до сих пор нет крепкой зацепки.

Майор на несколько минут удалился и, возвратившись, доложил:

– Ребята в курсе, но чужих операторов и фотографов я решил не беспокоить, чтобы раньше времени не разбежались. Мало желающих связываться с милицией. Перед окончанием похорон Завалин их соберет и предложит добровольно на время сдать видеоматериалы, а если заартачатся, то в принудительном порядке.

– Правильно,– одобрил Серебров.– Ситуация вынуждает действовать быстро и решительно. Я просил вместе с саперами обследовать кладбище. Нет ли "сюрпризов"? Эта блатная братия любит напоследок громко хлопнуть дверью, показать свою силу и запугать граждан. Такое уже бывало, взрывы, похищение крестов, гробов и другие акты вандализма.

– Утром вместе с саперами и могильщиком мы обследовали территорию вокруг вырытых могил в радиусе ста метров,– ответил Егор.– Саперы использовали миноискатели. Чисто.

– Ты уверен?

– Пожалуй, у меня нет оснований не верить специалистам. Но на всякий случай я пригласил лейтенанта – командира взвода саперов. Толковый специалист, отлично разбирается во взрывоопасных предметах. Участвовал в разминировании Малой крепости и акватории залива у крепости Еникале и мыса Ак-Бурун.

– Мы должны предотвратить любой теракт, не допустить новых человеческих жертв,– твердо произнес следователь и продолжил с досадой.– Жаль, упустил один важный момент.

– Какой?

– Накануне следовало плотно оцепить кладбище, чтобы никто не смог проникнуть.

– На сей счет, я предупредил администратора, чтобы до начала похорон доступ был закрыт.

– А-а,– махнул рукой Серебров.– Администратор – человек штатский, с него взятки – гладки, а нам непростительно.

– Я полагаю, Алексей Викторович, что все обойдется,– ободряюще заверил майор.

– Расставь оперативников и бойцов "Беркута" в разных местах кладбища,– велел он.– Не ровен час, где-нибудь затаился снайпер. От них всего можно ожидать.

Белых тут же по портативной радиостанции передал начальнику угрозыска и командиру роты "Беркута" распоряжение следователя о рассредоточении по всей территории кладбища, проверке и обыске всех подозрительных лиц.

Между тем траурная процессия остановилась, люди полукругом обступили площадку перед бетонной стелой с изображением склоненного знамени и погребального огня. Усыпанный цветами гроб с телом Ломова установили на узкий постамент, остальные рядом на подставках. Мать Стаса, вся в черном одеянии, рыдая, припала к бездыханной груди сына. Рядом с ней Серебров увидел Алину Шервиц все в том же темно-коричневом платье. Заплаканное лицо со следами черной туши прикрывала сетка вуали. "Несостоявшаяся наследница,– с тоской подумал о ней Серебров.– Однако шустрая особа, свое не упустит и еще чужое прихватит". Он предполагал увидеть и Сюзанну Южину, но так и не обнаружил ее. Видимо, из принципа, она, рискуя своим положением, отказалась от участия в похоронах. Отчаянная женщина.

На длинных скамейках возле других гробов присели родители и друзья погибших охранников. Молодые, белые без единой кровинки, словно из гипса, лица. Налетевший ветер зашевелил их волосы. Казалось, что они отряхнут сон и поднимутся из преждевременных тесных саркофагов. Но, увы, нелепая смерть горячим металлом пронзила их сердца и навеки сомкнула молодые уста. Жизнь – это не театр, на сцене которого можно что– то переиначить, сыграть заново и лучше. В реальной жизни время и события необратимы.

– Гляди-ка, гроб, какой дорогой, на солнце блястит, поди, из краснава дерева,– отчетливо послышался удивленно-восторженный шепот одной из бойких седовласых старушек с лицом, как моченое яблоко и выцветшими глазами.

– И шо ты, Пелагея, удивляешься, покойник красную рыбу и икру лопал, потому и ляжить в красном дереве, как король,– ответила ей столь же престарелая соседка Варвара.– А мы с тобой хамсой, килькой да тюлькой давимся… и то не вдоволь. На такой гроб наших ста пенсий не хватит. Нонча, слышала, что нищету, бомжей, в целифановых мешках хоронят, дешевле обходится. Морги трупами завалены…

– Ох, и времечко, дожились до светлых дней, будь они неладны,– вздохнула Пелагея.– Кто богат, тому все доступно, красное дерево, мрамор, скульптуры-фигуры, бюсты, валюты – салюты. А бедняка, как собаку зароют бульдозером, без молитвы, музыки и отпевания. Упаси, Господь, заступник сирых и убогих… Маво супруга, Ефрема, царство ему небесное, ветерана войны, орденоносца, штурмовавшего Берлин, закопали на задворках кладбища, почти у самого скотомогильника. Без всяких почестей, музыки и салюта, а этих пацанов, на аллее боевой и трудовой славы. За какие заслуги? Где она справедливость и совесть?

– Т-и-ше, тише, а то побьют. Вишь, уши навострили и зеньками зыркают, – дернула ее за рукав Варвара и посочувствовала.– Свет перевернулся. Старых, больных и бедных людей никто нынче не пожалеет. Никому мы не нужны. Все свое здоровье на государство положили, а оно нас в нищету загнало, все сбережения, что на "черный день" копили, бандюги на свой бизнес пустили. Слыхала, что эти крутые, даже своих умерших породистых собак и разных сиамских и персидских котов и кошек с почестями, которые нам и не снились, хоронят и поминают в ресторанах. Вот какое нынче время, видно балом правит сатана.

– Вот помянешь мое слово, если я первой преставлюсь, им еще и статуи из гранита, мрамора, а може и бронзы в полный рост установят, как на симферопольском Абдале,– оживилась Пелагея.– А мы с тобой всю жизнь горбатились на стройках социализма, а во время войны в тылу ишачили, а даже нормального деревянного гроба и креста не заслужили. Где справедливость, куда наш боженька Иисус Христос глядит, почему антихристов не покарает?

– Эх, шибко не тужи, Пелагея, тепереча им все равно в каких гробах и под какими памятниками лежать,– заметила Варвара.

– Не скажи, все же приятнее в гробу из краснава дерева, чем из фанеры, а еще хуже в целифановом мешке, в которых, сказывают, бомжей на обочине кладбища в безымянных могилах закапывают,– возразила словоохотливая старушка.

– Цыц, бабки, божьи одуванчики, расшумелись, как сороки,– набросился на старушек бородатый мужик из похоронной свиты.– Здесь вам не митинг, шли бы, бабки, домой.

– Дак, ведь покойников проводить надо,– зароптала Пелагея, часто моргая подслеповатыми глазами.

– Без вас проводят, не велики персоны,– мрачно ответил, сверкнув водянисто-серыми зрачками, мужчина.– Языками чешете, что попало, свет коптите… а молодые вон в землю легли…

– Видать судьба у них такая. Придет время и нас Бог к себе призовет,– ответила на его укор Варвара.– Все мы под Богом и богатые, и бедные. Смерть всех уровняет. Кому, что на роду написано, так тому и быть. А вам, молодой человек, грешно старых людей обижать. Мы, ветераны и инвалиды Великой Отечественной войны, многое на своем веку испытали, достойны уважения и почета. Забыли, наверное, как раньше пели: " Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет".

– Ну, бабки, рассмешили, когда это было? При советской власти, а сейчас у нас капитализм, один большой базар. Вы еще о царе Горохе вспомните. Слышал я эту сказку про белого бычка, как что, сразу ветераны войны и труда,– жестом руки остановил их детина, и сурово взглянул исподлобья.– Черт вас принес, еще успеете попасть на кладбище, уже на ладан дышите, а туда же. Сидели бы дома с внуками или носки вязали. Ан, нет, приползли в такую даль, а потом еще, как сороки, сплетни станете по городу разносить. Нет на вас погибели, вот братков завалили, им бы жить, да жить, молодыми и красивыми и детей плодить…

Став невольным свидетелем этого диалога, Серебров в случае обострения, готов был вмешаться, однако личность мужчины его заинтересовала, он взял себе на заметку его приметы. Старушки примолкли, торопливо перекрестились, спрятались за чьими-то широкими спинами.

По знаку распорядителя смолк оркестр и в гнетущей тишине прозвучал басовитый голос:

– Дамы и господа, граждане, сегодня мы провожаем в последний путь наших братьев. Еще недавно они были молодыми, крепкими, уверенными в себе, людьми, полными оптимизма и устремлений в будущее. Но коварные бандитские выстрелы вырвали их из наших рядов. Бог все зрит, рассудит по справедливости и воздаст каждому по заслугам.

Далее распорядитель сообщил краткую биографию каждого, отметив, что в лице Ломова город потерял крупного талантливого предпринимателя, одного из тех, кого принято называть "новыми украинцами" и заключил: скорбят родители и друзья. Пусть земля им будет пухом. Вечная память и слава.

Затем предоставил слово мужчине среднего роста, плотного телосложения с крупной коротко остриженной головой.

Серебров профессиональным взглядом отметил, как с трех сторон оратора прикрыли телохранители. Под его малинового цвета пиджаком угадывались контуры бронежилета.

– Кто такой?– спросил следователь у майора.

– Макеев Эдуард по кличке Мак, правая рука Совы,– ответил Белых.– Странно, что его в ту роковую ночь не было в ресторане, обычно они неразлучны. Может, между ними черная кошка пробежала? Такое нередко происходят, когда не могут поделить воровскую кассу – общак.

– Вот и постарайся выяснить,– велел Алексей Викторович.– Для нас важна любая деталь. Характер взаимоотношений, особенности личностей, их сильные и слабые места. Психология – тонкая наука. На досуге читай Достоевского. Непревзойденный мастер психологического романа.

– Рад бы, да времени нет,– посетовал майор.– А в последние дни тем более, ведь не зря говорят, что сыщика, как волка, ноги кормят.

– Чтобы ноги не устали, надо, Егор, больше работать головой, рационально распределять свои силы, разгадывать замыслы и действия преступника и упреждать его,– напомнил следователь.

– Не хочу у вас отнимать хлеб,– улыбнулся майор.

– Похоже, Макеев в преемники Совы метит?– глядя на горделивую осанку оратора, предположил Серебров.

– По законам субординации. Прибыльный бизнес, капитал бесхозным никто не оставит,– согласился Белых.– Но разборки неминуемы. Власть забирают и удерживают силой.

– Потребуются его показания. От моего имени выпиши ему повестку,– приказал Алексей Викторович.

Речь Макеева была короткой и динамичной. В голосе звучал металл:

– Это самый тяжелый и черный для нас день. Мы хороним наших боевых братков в гробах из красного дерева, а себя завещаю похоронить в бронированном саркофаге, чтобы никакой мерзкий червь, микроба и другая зараза не смогли добраться до моего тела.

– Мак, рано ты об этом думаешь, не навлеки на себя смерть,– крикнул кто-то из внимавших участников ОПГ.

– Не рано, все мы смертны и ходим под Богом и прокурором,– в пылу азарта отреагировал оратор.

"Мг, червь и микроба уже давно обитают в твоем теле, как впрочем, и во всех других живых организмах, только и ждут, когда дашь дуба,– подумал следователь.– Поэтому от распада и тлена плоти не спасет ни красное дерево, ни самая прочная броня. Все, кроме тех, кто будет кремирован, станут кормом для червей, останутся лишь череп, скелет и кости для будущих археологов. Надо уметь не только грабить, насиловать и считать бабло, но и немного знать биологию и анатомию".

Особенно в память слушателей врезались последние слова: «Мы это так не оставим. Если начальник милиции и прокурор со штатом своих сотрудников неспособны защитить мирных граждан, представителей среднего и малого бизнеса, которые, наполняя бюджет, кормят город, то мы сами найдем эффективные способы защиты. Создадим группы или отряды по охране общественного правопорядка и жизни граждан от преступных посягательств. По Конституции и по Уголовному кодексу мы имеем полное право на самооборону».

Макеев сделал паузу и, окинув собравшийся суровым взглядом, и глядя в листок с записью, продолжил с пафосом:

– Братаны, пацаны, родные мои человеки, граждане! Ни в какие ворота не лезет. Беспредел, произвол и кощунство! Нам запретили произвести оружейный салют в память о погибших. Ветеранам войны, старым аксакалам ли саксаулам, значит можно, они заслужили, а нам нельзя. Отказали в почетном карауле, пожалели на салют холостые патроны, не говоря уже о боевых зарядах. Но я обещаю, что сегодня будет фейерверк, а потом, когда наступит наше время, клянусь, мы устроим настоящий и не последний салют в честь доблестной братвы. Через год осядет земля, и мы установим памятники из бронзы, мрамора и гранита. Жаль меня с ними в тот момент не было, не допустил бы такого ужаса, обязательно кого-нибудь из убийц завалил и тогда возмездие настигло бы и других. Кто же мог предвидеть, что бандитские пули вырвут братков из наших рядов. Тяжела, невосполнима утрата, но мы должны теснее сплотить свои ряды, пополнить их молодежью, чтобы они продолжили наше правое дело. А убийцам пощады не будет. Око – за око, кровь – за кровь!

Эдуард грозно потряс в воздухе крепко сжатым кулаком. На пальце сверкнул массивный золотой перстень.

"Хорош гусь, подвел правовую базу, пошел ва-банк,– подумал следователь.– Лягнув копытом и милицию, и прокуратуру, вышел на тропу войны с соперниками. Этот ультиматум будет чреват серьезными последствиями. Словно цепная реакция продолжатся разборки за освободившиеся ниши в руководстве. Такое развитие событий надо предотвратить. Самосуд, от кого бы он не исходил, создаст опасный прецедент. Репутация мафиозной Сицилии для Крыма, его международного имиджа, как санаторно-курортного региона, очень вредна.

И вдруг в гнетущей тишине, сквозь всхлипывания раздались аплодисменты. Все обернулись к стоящему поодаль щуплому в старой помятой одежде мужчине. Он, добродушно взирая на Макеева, хлопал в ладони. Усердно и громко.

– Эй ты, псих, дебил!– крикнул на него Эдуард.– Уймись или крыша поехала? Кто на похоронах хлопает. Это тебе не свадьба и не юбилей. Наш шеф не был артистом, чтобы аплодировать.

– Дюже мне твоя речуха понравилась,– нисколько не смутившись, ответил тот.– Складно, как по маслу, говорил, аж до слез прошибло, мороз по коже…

– Рви когти отсюда, пока я тебя прикладом не ушиб,– обозлился Макеев.– Сейчас сам в яму загремишь. Речь ему понравилась, радость психа. Глыба сделай-ка ему внушение.

К мужичку приблизился коротко остриженный верзила, давеча присмиривший говорливых старушек. Схватил юмориста, словно щенка за шиворот, и поддал коленом под зад. Мужичок покатился кубарем по сухой, выжженной солнцем траве. Поднялся и испуганно оглядываясь, спрятался за металлической оградкой. Оперативники решили в мелкий конфликт не вмешиваться, дабы не "засветиться".

Митинг завершился и под звуки траурного марша гробы понесли к вырытым на возвышенном участке могилам. Мимо оград, зарослей шиповника, сирени и калины, зеленых туй, мимо величественных мраморных памятников и надгробий, убогих, запущенных с почерневшими покосившимися крестами. Таковы суровые и печальные реалии: прах честного труженика-пахаря или рабочего покоится под православным крестом, а прах бандита, мошенника и казнокрада, сколотившего на крови и страданиях честных людей капитал, под пудами белого и черного мрамора, глыбами гранита. Но смерть, самый неподкупный судия, уровняла всех: и бедных, и богатых. И только Бог вершит над ними высший суд, решая, кто праведник, а кто грешник.

Вспугнутая людьми, с ближних кустов и деревьев с шумом поднялась стая ворон, обжившая кладбище, где на могилах всегда вдоволь пищи, оставленной после поминок. Серебров и Белых остановились у средней, расположенной в центре, могилы, предназначенной для погребения Ломова. Для прощания остались убитые горем родственники, Алина Шервиц и несколько приближенных лиц.

– Глины наворочали как террикон,– прошептал следователь и заглянул в глубину могилы, откуда в лицо неприятно повеяло сыростью. Из глинисто-песчаной почвы белыми сухожилиями торчали и свисали срезанные корни растений.

– Самая глубокая могила, почти три метра, у остальных меньше,– пояснил Егор.– После экскаватора еще вручную копали, пока вода не стала сквозь глину просачиваться. Тогда решили, что достаточно. Смотритель Михей и его работники выровняли стенки могилы, расчистили дно.

– Почему так глубоко?– спросил Серебров.

– Чтобы никто не смог откопать и надругаться над трупами. У них, наверняка, осталось немало врагов, поэтому любые способы вандализма не исключены.

Послышались рыдания, стоны и причитания у гробов. Расторопные могильщики закрыли на замки крышку на гробе Ломова, навеки скрыв его каменное лицо с пробоиной от пули. Молотки и гвозди им не понадобились, так как гроб был дорогой, нового дизайна. А по соседству раздались глухие удары молотков, загонявшие гвозди в дерево.

В этот момент раздался пронзительный крик совы, разбуженной шумом толпы и ударами молотков. Птица, поводя большими желтыми, ослепшими на солнце глазами, села на ветку акации.

– Прочь, лети отсель!– замахнулись на нее руками несколько женщин.– Это зловещая примета – крик совы. Беда в одиночку не ходит…

Серебров увидел, как женщины поспешно перекрестились, надвинули на лбы черные косынки, словно таким способом оградили себя от грядущих несчастий. Тревога невольно передалась следователю. Он тронул за рукав стоявшего рядом майора и признался.

– Что-то, Егор, тревожно на душе, какое-то смутное предчувствие?

– Суеверны вы, Алексей Викторович,– усмехнулся Белых.– Женщинам простительно, они впечатлительны и мнительны, готовы, во что попало поверить. Особенно в наше время, когда столько шарлатанов под видом колдунов, экстрасенсов, астрологов и народных врачевателей развелось. Мы с вами, грамотные и трезвые люди, призваны доверять не всякой чепухе и ереси, а железным фактам.

Ночная птица, тяжело прошелестев крыльями, улетела вглубь погоста и затерялась в зарослях, оставив в душе следователя ощущение тоски и смутной тревоги.

Старший могильщик Михей подвел концы веревки под днище гроба. Их подхватили его помощники и подвели гроб к краю могилы. Вдруг Михей замер, уставившись взглядом в дно, четко высвеченное лучами замершего в зените солнца.

– Что случилось, Михей?– насторожился майор.

– Кто-то там полазил. У меня аккуратно все было,– недовольно проворчал старик.– Дно было ровное, никаких бугров. Вижу на стенках следы от обуви…

– Сле-ды-ы?– переспросил следователь, соображая и оценивая ситуацию, и тут же приказал.– Остановите захоронение! Майор, срочно отведите людей от могил на пятьдесят метров. Затем обернулся к саперу:

– Лейтенант, проверьте эту и другие могилы.

В течение нескольких минут толпа отхлынула от зияющих могил и издали наблюдала за тем, как сапер, прихватив миноискатель, по стремянке спустился вниз, в сырое чрево могилы.

Белых вместе с другими оперативниками и командиром роты "Беркута" занялся наведением порядка, чтобы никто из чрезмерно любопытных, особенно вездесущих мальчишек, не пробрался к затаившим в себе опасность могилам. Серебров остался у края могилы и сверху наблюдал за неспешными, уверенными действиями сапера.

"Только бы не взрывное устройство с дистанционным управлением,– заклинал следователь.– Только бы лейтенант успел до того, как оно будет приведено в действие. Только бы успел…"

В этот момент он меньше всего помышлял о собственной безопасности. Увидел, как офицер осторожно разгреб руками бугорок сырой глины. Из-под его ладони показалась металлическая поверхность. Лейтенант очистил предмет от глины и только после этого сообщил:

– Знакомая игрушка – взрывное устройство с детонатором. Сейчас я попытаюсь его извлечь. Отойдите подальше, мало ли что.

Но Алексей Викторович не сдвинулся с места, тем самым проявив солидарность с сапером и веру в его мастерство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.